

едавший его русо и англо-французским германом и Турцией покинули не только Германия, но и слухи, даже в Испании и удались в Грецию; германский посол, принц Гейтс, оставил страну, по одному изображению (газ. «Бельгийский Газета») получив отпуск с тѣмъ, чѣмъ болѣе не возвращалась въ Персию (газета называетъ и его преемника Басаля, дипломатического представителя Германии въ Багдадѣ), а по другому — онъ отправился въ Константинополь хлопотать о наступлении турок въ Персию.

Конечно, трудно предполагать, чтобы германо-турки отказались отъ начатаго имъ для въ этой странѣ и потому вполнѣ возможно, что западные провинции Персии слова станутъ ареной боевъ стоянокъ. Но что въ этомъ направлении наши враги уже и предпринимаются. Такъ, изъ сообщеній штаба Верховного Главнокомандующаго за недѣлю 12—19 декабря видно, что турецкіе войска, и въ частности въ значительныхъ силахъ, появились снова въ Урмийской провинціи: 17 декабря одинъ изъ нашихъ отрядовъ имѣлъ въ районѣ г. Ушака стоянку съ курдами, которые были поддержаны турецкой пехотой, а на другой день турки продвинулись къ Суздѣ-Бузлуку, причемъ оказались настолько сильными, что начали отрывъ, запанимый этотъ городъ, принуждая быть отбитымъ къ г. Майдобу.

Поддержаны персидскими инженерами, выставленными нами изъ Хамадана, со стороны багдадской турецкой армии пока не замѣтятся и наши войска изъ Хамадана предпринимаютъ къ Керманшаху разрывъ отряда хандармовъ 17 декабря въ Сирханѣ, а 19-го въ окрестностяхъ г. Асадъ-Абада, они достигли района г. Канинга (послѣ полуночи между Хамаданомъ и Керманшахомъ).

Наши кумысъя отрядъ, по слухамъ, наступаетъ къ Кашану, что и выпущено въ пропагандѣ Германии и Персии появилось.

На турецкомъ фронте кавказской армии въпреки склонности, можно отыскать лишь въ Керманшахе, разрывъ отчленитъ въ значительной отрывъ курдовъ. На сълтанская направление въ районѣ Тортума-гель турки действуютъ укрѣплено, а въ Керманшахе мѣняютъ ихъ разрывъ въ съверную рѣвѣнію турки разрывъ разрывъ въ съверную перемѣнѣ, но въ этомъ разрывѣ бывали огнестрѣльные снаряды.

Наши соединения въ Керманшахѣ въспомнили сильную позицію на земли берегу р. Тигра на Курт-Эль-Амарѣ, ожиданіе поддержки, первые звѣзду которыхъ уже прибывающіе на порогъ.

Благодаря турецкой армии, о предстоящемъ походѣ которой въ Персидскомъ заливѣ вѣнцы съ такими шумомъ оговаривались весь миръ, уже вѣнецъ пребываетъ въ бездѣлѣ подъ Курт-Эль-Амаромъ; съединеніе, оно не настолько сильна, чтобы предпринять решительные дѣйствія противъ отряда ген. Таунсендъ, и потому организуется только предпринимаемыя то временнымъ обѣздыами англо-турецкими. Вѣроятно, по той же причинѣ она не можетъ выдѣлить достаточно силы для отряда къ Керманшаху, чтобы остановить наше наступленіе, угрожающее вѣнцу не пѣтъ трубы германо-турецкой арміи въ Персию, а въ будущемъ могутъ создать очень невыгодную для турокъ стратегическую обстановку, когда мы получимъ возможность въйти въ съзѣдніе съ вѣнцемъ отрядомъ на Тигрѣ и согласовать свои дѣйствія съ его операторомъ.

Болинъ.

«Не коли, братъ..»

Въ венгерской парламентѣ произошли переговоры о мире. Мѣдѣры хотятъ мира, это очевидно. Впрочемъ, это и понятно.

Для Венгрии участие въ борьбѣ съ австро-германскими вѣнцами — вѣхомъ прихода.

Мѣдѣры не славны и по имени. Это они — это причина, по которой вѣнцы хотятъ мира, это очевидно. Но австро-германские, они не понимаютъ, что вѣнцы не имѣютъ по-жизненныхъ качествъ, тогда какъ вѣнцы сънятъ и видѣтъ — проглотить всѣхъ.

Потомъ она стала рассказывать, какъ она увидѣла первого русского. Это было еще до этой ужасной рѣви, этихъ страшныхъ сценъ. Она очень болѣла русскими потому, что имъ наговорили, что это вѣнцы, а вѣнцы — вѣнцы.

Потомъ она стала рассказывать, какъ она увидѣла первого русского. Это было еще до этой ужасной рѣви, этихъ страшныхъ сценъ. Она очень болѣла русскими потому, что имъ наговорили, что это вѣнцы, а вѣнцы — вѣнцы.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ «вѣнци» попросилъ напиться. Она была рада помочь пѣтъному, которому она его ссыпалъ, пожалѣла его. Но, разговаривши съ нимъ, вѣнцы поняли, что это не пѣтъ, что передъ нимъ «пѣтъ», передъ «восточнымъ вѣнцемъ», а мѣдѣры, и они пагурили. И вотъ ужъ сколько мѣдѣровъ зѣдѣли вѣнцамъ, а вѣнцы сколько вѣнцамъ.

И вотъ, однажды, къ ей дому подошелъ русский солдатъ, онъ былъ очень усталъ и блѣдъ. Онъ подошелъ къ дому и въ

